РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЙ СЕМИНАР

РОССИЯ И КИТАЙ В НОВОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ СРЕДЕ

Совместный проект Совета по внешней и оборонной политике,
Китайского Института международных стратегических исследований и
Российского Агентства международной информации «РИА "Новости"»

(20-22 марта 2009 г., пансионат «Лесные Дали»)

Суббота, 21 марта

II заседание. *СИТУАЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И НА «РАСШИРЕННОМ БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ»*

— Караганов (председатель). Мы возобновляем нашу дискуссию. Повторяю, что в ограниченных рамках мы можем возвращаться к некоторым из тех вопросов, которые мы еще не считаем закрытыми в первой части дискуссии. Но все-таки мы сосредоточимся на ситуации в Центральной Азии и на так называемом расширенном Ближнем Востоке, включающем в себя и нефтяную проблему, и проблему израиле-арабского конфликта, и проблему Пакистана, и ядерного оружия, и, конечно же, проблему Афганистана и Ирака. Это проблемы наших отношений в связи с бывшей советской Центральной Азией. Это очень большой и крупный вопрос. Думаю, что этот вопрос вынужденно будет занимать в нашем внимании все большее место по мере того, как Соединенные Штаты Америки будут уходить из Ирака. Уходя из Ирака, они оставят там вакуум, во-первых. Во-вторых, весьма вероятно, что сейчас втянувшиеся туда несколько десятков или сотен тысяч людей — боевиков, террористов, как вы хотите их называть — у них освободятся руки. Они могут начать действовать в сопредельных странах в том числе. Это может быть российское Закавказье и Центральная Азия. Это может быть и будет Пакистан. Это будут, возможно, какие-то регионы близкие к Китаю.

И, наконец, есть еще очень крупная проблема, которую мы, наверное, будем обсуждать и завтра, и которую я предлагаю сделать одной из центральных на обсуждениях сегодня, это проблема ситуации в Афганистане. Ситуация в Афганистане, как мы знаем, из-за своеобразного доминирования западной точки зрения в СМИ, как правило, не обсуждается достаточно откровенно, а среди экспертов, которым я доверяю. Я недавно был на обсуждении этого вопроса, где участвовал и Кофи Аннан, и Брахими, бывший спецпредставитель генсека ООН, и еще несколько крупнейших специалистов по этому региону. Все они — мы, может быть, не согласимся с ними — считают, что война в Афганистане Западом и НАТО проиграна. Это создаст через 3—4—5 лет, т. е. через 2—3 года после ухода из Ирака или частичного ухода из Ирака еще проблему ухода из Афганистана. И мы в середине следующего десятилетия или раньше можем получить проблему как бы Ирак в квадрате: и Ирак и Афганистан.

Совершенно понятно, что нашим странам и нашим партнерам будь то Пакистан, будь то Индия, будь то другие региональные державы арабские, нужно уже готовиться и заниматься этой проблемой, может быть, сейчас готовиться хотя бы интеллектуально.

— Ван Хайюнь. Тема моего выступления «Положение с безопасностью в Средней Азии и стратегическое сотрудничество Китая и России в вопросах региональной безопасности». Хочу высказать свои оценки по этой теме. За счет общих усилий стран ШОС после цветных революций 2005 года в Киргизии, андижанских событий в Узбекистане, в регионе Средней Азии не возникало серьезных катаклизмов. Положение с безопасностью в регионе в целом стабильно, но по-прежнему связано со многими вызовами. Это три силы зла — террор, сепаратизм, религиозный экстремизм, — которые творят темные дела. Под влиянием войны в Ираке, силовой политики США международные силы радикалов-исламистов переживают подъем. Регион Средней Азии становится важной целью их растущего проникновения.

Антитеррористические действия военного контингента НАТО в Афганистане испытывают перебои. Талибы возвращаются и уже контролируют 72% территории Афганистана. Администрация Обамы увеличивает контингент в Афганистане, но надежды одержать победу по-прежнему тают. Возможно, Афганистан снова станет очагом расползания трех зол в Среднюю Азию.

Государственное социально-экономическое развитие стран Средней Азии сталкивается со многими такими проблемами. Тут есть почва для взращивания трех зол. Применение США и прочими в борьбе с терроризмом, двойных стандартов умножило трудности борьбы с террором в Средней Азии, поэтому борьба против трех зол в этом регионе по-прежнему связана с большими сложностями.

Вторым фактором, влияющим на безопасность, является проникновение внешних сил в этот регион. Все знают, что благодаря своему геостратегическому положению, богатым природным ресурсам Средняя Азия привлекает внимание внешних сил. США занесли ее в список регионов важных стратегических интересов. Под предлогом ведения борьбы с террором в Афганистане, в Средней Азии создано военное присутствие, непрерывно ширится политическое и экономическое проникновение.

В 2005 году США спровоцировали цветные революции в Средней Азии, которые провалились и вызвали резкий отпор стран этого региона, вынудив США к стратегической пассивности в этом регионе. В этих условиях США переосмыслили и скорректировали свою стратегию в Средней Азии. И в начале 2006 года выдвинули план расширенной Средней Азии. Главные цели этого плана — это проведение «демократических» преобразований, подрыв традиционных связей стран Средней Азии с Россией, сжимание стратегического пространства России, помехи тесным связям Китая со странами Центральной и Средней Азии, создание пояса сдерживания Китая, ограничение развития ШОС, планы превратить Южную и Среднюю Азию в единую геостратегическую платформу с дальнейшей увязкой плана расширенной Средней Азии с планом расширенного Ближнего Востока и состыковкой этих планов с США и с НАТО. Возможно, правительство Обамы частично скорректирует стратегию действий в Средней Азии при Буше, но оно не изменит своей стратегической цели включить Среднюю Азию в сферу своего влияния. Это неизменимо.

Кроме того, ЕС, Япония также разработали стратегии проникновения в Среднюю Азию, согласовав их со Штатами. Иран, Турция, прочие исламские страны тоже используют геополитические, религиозные, национальные, культурные преимущества, чтобы активно расширять влияние в этом регионе. С каждым днем обостряются разногласия крупных стран по вопросам энергоресурсов вокруг Каспия, что также наносит все более мощные удары по стабильности в регионе. Можно сказать, внешние силы готовы яростно бороться, что станет важной причиной, приводящей к утрате стабильности в регионе.

Третье, эта нестабильность внутри региона чревата ухудшением. Средняя Азия является регионом, претерпевшим наибольшие перемены после холодной войны. Социальные преобразования в этих странах еще не завершены. Пути развития не намечены. Много разных противоречий. В некоторых странах обостряются противоречия национальные, религиозные, противоречия группировок, вспыхивает и затихает борьба за власть, что приводит к общественным беспорядкам. Разделение акватории морского дна и прочих ресурсов — также все эти вопросы не решены. Ситуация обостряется и может в дальнейшем еще больше обостряться.

Заигрывания извне со стороны крупных стран приводит к еще большему росту противоречий в этом регионе. Мировой финансовый кризис нанес также суровый удар Средней Азии и может стать новым фактором влияния на стабильность ситуации.

Третий фактор — рост нетрадиционных угроз безопасности. Афганистан уже стал самой крупной мировой базой наркотиков. Торговля наркотиками стала главным источником финансов Талибана. Соседний с Афганистаном регион — Средняя Азия — стал главным каналом наркотрафика. Обостряется проблема трансграничной преступности, контрабанды оружия, незаконной миграции. Есть проблема экологии, водных ресурсов, энергоресурсов, стихийных бедствий и другие проблемы, которые угрожают безопасности.

Можно видеть, что регион Средней Азии сталкивается с довольно серьезными вызовами безопасности. Борьба за сохранение этой стабильности является огромной по сложности задачей.

Второй вопрос — это общность интересов и ответственности Китая и России по сохранению стабильности в регионе. Наши страны имеют близкие стратегические цели в поддержании безопасности и стимулировании развития в регионе. Стратегические цели Китая в Средней Азии таковы, по моему мнению: превращение региона в стабильную развивающуюся зону дружбы и добрососедства; создание пожарной стены для снижения вреда от трех зол; ответ на расширение силами гегемонизма проникновения извне. Стратегическими целями России является превращение региона в форпост сдерживания стратегического натиска США и западных стран, создание надежных преград для сдерживания трех зол; стимулирование единого экономического и энергопространства для интеграции экономик России и стран Средней Азии. Очевидно, что Китай и Россия имеют в этом регионе одинаковых противников. Сходны и стратегические цели их развития в Средней Азии.

Единство в расширении стратегических интересов, кооперация в проблемах поддержания безопасности в Средней Азии стали прочной основой для обеспечения интересов наших стран. Совместное поддержание стабильности и безопасности — это насущное требование для углубления нашего стратегического партнерства.

Сегодня в мире с серьезно нарушенным балансом стратегической обстановки отношения всестороннего стратегического партнерства наших стран имеют незаменимую ценность. Постоянное укрепление этих связей отвечает нашим коренным интересам. Совместное поддержание стабильности и безопасности служит важным элементом в отношении стратегического сотрудничества и партнерства. Учитывая выдвигаемую США стыковку НАТО с японо-американским оборонительным союзом, планы зажимания с двух сторон Китая и России, стратегическое сотрудничество Китая и России на общей периферии обретает еще большее значение. Поддержание стабильности и безопасности в Средней Азии является важной миссией ШОС. Усиление сотрудничества наших стран в этом регионе отвечает интересам и ожиданиям наших стран в отношении ШОС, и в то же время является важным вкладом в работу ШОС. Совместное поддержание региональной стабильности и мира является непременным долгом Китая и России. Наши страны — это великие мировые державы, постоянные члены Совета Безопасности ООН, крупные соседи Средней Азии, а также члены таких важных региональных организаций, как ШОС или ОДКБ. Поэтому Китай и Россия — это заинтересованные ключевые стороны, несущие ответственность за стабильность и мир в Средней Азии как большие страны, как соседи, как важные члены международных организаций. Наши страны имеют тесные политические, экономические, культурные связи со Средней Азией. Эти страны уделяют большое внимание одновременному развитию связей с Китаем и Россией.

Страны Средней Азии являются новыми небольшими суверенными странами переходного периода. Малым странам трудно самим решать сложные задачи укрепления мира и стабильности в регионе. Если Китай и Россия не протянут им руку помощи, это неизбежно позволит внешним силам заполнить вакуум, нанесет серьезный вред региональной безопасности и стратегическим интересам. Поэтому мы должны отвечать за эту работу.

Третий вопрос: как усилить стратегическое сотрудничество Китая и России в указанных вопросах? Во-первых, это создание норм международных отношений нового типа. Отказ от мышления сферами влияния. Наши страны должны вместе создавать нормы межгосударственных отношений нового типа, отвечающие веяниям эпохи. Эти нормы нашли выражение в шанхайском духе, а именно взаимное доверие, выгоды, равенство, консультации, уважение многообразия цивилизаций, стремление к совместному развитию. Их сутью является взаимное равенство, уважение, добрососедство, прагматичное сотрудничество и мирное сосуществование, невмешательство, общая безопасность и развитие. Эти новые нормы качественно отличны не только от гегемонизма и монополизма, но и во многом отличны от традиционного мышления сферами влияния. Последнее отличается контролем и неравноправным отношением к малым странам. Оно также предполагает ксенофобию и не отвечает веяниям времени в плане общей безопасности и развития.

Превращение какого-то региона в недоступный для других стран, контролируемые сферы влияния неизбежно вызывают недовольство стран этого региона и отпор других стран. В конечном счете, это наносит ущерб стратегическим интересам самого доминирующего государства.

В эпоху экономической глобализации самым лучшим путем реализации государственных интересов является обеспечение мирного развития страны, формирование благоприятной внешней и внутренней среды, пребывание на высшем уровне мирового экономического и технического развития, быстрое повышение общей мощи страны, а не ксенофобные сферы влияния в некоторых регионах. Этот вопрос ставится так не потому, что мы считаем, что в России на уровне государственной стратегии существует мышление сферами влияния. Но нельзя отрицать, что в России есть некоторые люди из элиты, которые действительно рассматривают Среднюю Азию как задний двор и сферу влияния, неприкасаемую для других стран.

Я видел много статей на эту тему. Если такое мышление направлено против гегемонизма государств, оказывающих стратегическое давление на Россию, например Америка, то быть может в нем есть еще определенная доля справедливости. Но если такое мышление обращено против стратегических партнеров, соседей, развивающих взаимовыгодное сотрудничество в регионе, то, думаю, что это совершенно ошибочно. На самом деле в вопросах энергетического сотрудничества Китая со Средней Азией такое столкновение уже случилось. В случае дальнейшего развития оно неизбежно повредит сотрудничеству наших стран в Средней Азии, и к тому же может стать большим препятствием для общего поддержания нашими странами мира и стабильности в Средней Азии. Искренне надеемся, что сведущие люди в России смогут сдержать такой раздутый менталитет некоторых людей, совместно поддерживать общую обстановку китайско-российских связей, стратегическое сотрудничество наших стран. Мы должны понимать, что и Китаю, и

России было бы одинаково трудно, невозможно в одиночку противостоять стратегическому прессингу сильных военных группировок, служащих оплотом единственной в мире сверхдержавы и сил Запада.

В вопросах безопасности в Средней Азии Китай и Россия являются крупными взаимозависимыми факторами. Сотрудничество наших стран не только приведет к удвоению сил, но и позволит также увеличить сплоченность стран Средней Азии, согласованно реагировать на угрозы безопасности этих странами. В этом необходимость нашего сотрудничества в Средней Азии.

Второе предложение — своевременно договариваться, усиливать взаимное доверие, избегать взаимных обид и подозрений. Политическое доверие между нашими странами в последние годы явно возросло, но, как и прежде, возникают случаи взаимных подозрений и обид. Если такие ситуации не смогут быть вовремя решены, это неизбежно повлияет на сотрудничество наших стран в поддержании стабильности в Средней Азии.

Один из недавних случаев заслуживает особого анализа задним числом. А именно, вопрос Манаса, когда Кыргызстан решил закрыть военную базу Манас, МИД Китая выразил уважение этому решению. Фактически, я думаю, это было поддержкой Кыргызстана, я так полагаю, но я слышал, что высокие работники МИДа России пожаловались, что китайская сторона выразила свою позицию неясно и заявили, что это также может повлиять на стратегическое сотрудничество наших стран. Я думаю, это очевидное недоразумение в отношении Китая. Надо указать, что за несколько месяцев до того, как киргизская сторона приняла решение, это большой срок, Россия и Кыргызстан уже вели многочисленные консультации, но ни российская, ни киргизская сторона не вели никаких переговоров с китайской стороной. После того как Кыргыстан обнародовал свое решение, Россия постоянно заявляла, что действия киргизской стороны не имеют к ней никакого отношения. Кыргызстан не выражал никаких сомнений по поводу позиции Китая. МИД России требовал, чтобы Китай шел дальше в выражении поддержки. В этой ситуации жалобы российской стороны на отсутствие поддержки со стороны Китая воистину, я думаю, мало понятны нашей стороне.

Кроме того, Россия, готовясь поддержать антитеррористические действия Соединенных Штатов и НАТО в Афганистане, в т. ч. открыть воздушный коридор, позволить пересечение границ для невоенных грузов, тоже не вела переговоры с китайской стороной. Давайте представим, что если бы США предложили закупать в Китае тыловые припасы, открыть Синьцзян через границу Китая в Афганистан, и чтобы при этом не посоветовались с Россией, а сами бы все решили, то что бы тогда подумала российская сторона. Мы конечно еще не изучали этот вопрос, но поэтому Китай и Россия должны сообща поддерживать стабильность в регионе Средней Азии, усилив переговоры, избегать недоразумений.

Третье: использовать роль ШОС, чтобы усиливать возможности поддержания стабильности и безопасности. ШОС — это самая важная и перспективная организация регионального сотрудничества в Средней Азии. Усиление сотрудничества ШОС в сфере безопасности имеет большое значение для упрочения стабильности в регионе. Хотя формирование ШОС уже охватило разные сферы и вступило в новый этап, но сотрудничество по безопасности должно как и прежде оставаться главным моментом. Только если страны Средней Азии будут на деле ощущать стабилизирующую роль ШОС в регионе, одобрять перспективы развития ШОС, ценить сплачивающее сотрудничество ШОС, только тогда можно будет лишить США и другие внешние силы шансов воспользоваться ситуацией. Поэтому наши страны должны вместе развивать стабилизирующий потенциал ШОС, должны больше работать на основе консенсуса, избегать превращения отдельных стран в помеху для сотрудничества в сфере безопасности. Особенно нельзя допускать, чтобы отдельные члены ШОС разыгрывали карты между крупными державами, так сказать пускали волка в дом, или подписывали со странами вне региона соглашения о сотрудничестве, вредящие интересам безопасности стран ШОС. Нужно поощрять сотрудничество по вопросам поддержания мира и порядка в Средней Азии между ШОС и ОДКБ, использовать их взаимные преимущества, избегать взаимной конкуренции. Кроме того, Китай и Россия должны усердно избегать так называемой борьбы за право руководства в ШОС. Я думаю, целями Китая в ШОС являются стремление к добрососедству, поощрение сотрудничества, сохранение стабильности и планирование развития, а не борьба за право руководства с Россией.

Китай понимает, что Россия управляла Средней Азией около 200 лет и имеет глубокое влияние на Среднюю Азию. Китай не может и более того не намерен заменить место России в этом регионе. Мы не хотим допустить, чтобы такие сомнения влияли на развитие ШОС.

В целом положение с безопасностью в Средней Азии является сложным. Задача поддержания региональной стабильности является огромной и долговременной. В вопросах мира и стабильности в Средней Азии наши страны имеют общие интересы, общую ответственность, имеют огромное пространство для сотрудничества. Наши страны должны тесно сотрудничать,

сообща реагировать на различные угрозы безопасности, поддерживать мир и стабильность в регионе.

Спасибо за внимание.

— Караганов. Спасибо, дорогой господин Ван за очень глубокое и интересное изложение вашей точки зрения. Я хотел бы сразу поставить несколько вопросов, которые у меня появились по мере Вашего выступления. Может они в какой-то мере будут отражены в следующих наших вводных выступлениях.

Первое. Мы уверены, что все страны этого региона выживут? Я по крайней мере знаю три страны, которые могут не выжить. Одно дело, что мы будем поддерживать их суверенитеты, территориальную целостность, а другое дело, что это может не получиться.

Второй вопрос, который у меня возник в связи с вашим выступлением. Мы, конечно, не хотим определенных сфер влияния, но нужно просто понять, что такое «сфера влияния» в этом регионе для России. Если речь идет о контроле, то, я думаю, что за исключением очень маргинальных групп никто контроля не хочет. Я, например, и пишу, и говорю, и даже в правительственной прессе, что русские цари сделали страшную ошибку 200 лет назад, когда они пошли в Центральную Азию, которая стоила русской короне, а потом Советскому Союзу чудовищных средств. Мне говорят, не трогай царей, по крайней мере, трогай только Советский Союз. Но я справедлив. Я трогаю и царей, и генеральных секретарей.

Но проблема заключается, конечно, в том, что одно дело помогать, а другое дело — брать ответственность за выживание отдельных стран. Реально сейчас стоит вопрос выживания ряда стран. Конечно, мы сотрудничали с дружественным нам Китаем, а еще больше гораздо с Ираном, спасая Таджикистан, который снова находится в очень тяжелом положении. Но если бы мы этого не делали, если бы мы не держали там войска, то Таджикистан давно был бы частью Большого Афганистана. Это историей нам навязано. И я не очень уверен, что речь идет о том, что Россия хочет закрепить за собой особые позиции в этом регионе.

Наконец, я хотел бы прояснить в дальнейшей дискуссии, где наши позиции в области энергетики жестко сталкиваются. Вы упомянули, может, неправильный перевод, но есть совершенно понятная нормальная конкуренция. Мы хотим, чтобы большая часть энергии этого региона шла через наши трубопроводы, а вы получали бы деньги. Китай хочет того же. Это не соперничество. Это нормальная, очень здоровая я бы сказал конкуренция, от которой выигрывают страны. Если у нас есть непонимание, и вы видите несправедливую борьбу, то давайте мы прямо этот вопрос и обсудим.

Еще один вопрос. Я с удивлением, граничащим с возмущением, узнал об отсутствии консультаций по поводу Манаса. Я такого не представлял себе. Мы, безусловно, расскажем нашим коллегам в более широком политическом и научном сообществе о столь странной ситуации.

И последний вопрос, может быть на будущее. Несколько раз, как мне показалось, генерал Ван произнес, что нашей общей задачей и особенно задачей России является недопущение Запада в этот регион. Этот вопрос и для российских участников. А что, нашей целью и задачей является недопущение Запада или защита стабильности, процветания в этом регионе? Если бы нашей целью было недопущение Запада, мы бы не помогали Западу в Афганистане, потому что Запад нынешний, даже НАТО объективно способствуют нашим интересам сейчас. Давайте просто подумаем о том, в какой степени мы можем взаимодействовать и нужно ли нам взаимодействовать с Западом по стабилизации этого региона. А теперь я предоставляю слово уважаемому профессору Амирову.

— Амиров. По моему опыту, наши обсуждения, наши конференции, наши семинары с китайскими коллегами становятся с каждым годом все более и более насыщенными.

Выскажу свою точку зрения на некоторые проблемы, которые существуют, т.е. на возможную политику России в этом регионе, прежде всего с точки зрения экономиста. И может быть сразу постараюсь ответить на пару вопросов. Что такое энергетическое столкновение? Во-первых, я так понимаю, что, так же как и в отношении G-2, наши китайские коллеги принимают то, что говорится в прессе, за точку зрения экспертов, широко принятую и т.д. Хотя та же самая проблема G-2 может быть попросту забыта через какое-то время. Она была подхвачена СМИ как информационный повод и привлекла определенное общественное внимание. Никто здесь не вспоминал тему т.н. «восточного расширения НАТО» на Японию, Южную Корею и Австралию, а наш Центр [азиатско-тихоокеанских исследований, ИМЭМО РАН] уже забросали вопросами и

просьбами об интервью по этому поводу. Есть другие «горячие» темы, которые могут так или иначе возникать, но не всегда стоит относиться к ним с той степенью серьезности, которая сегодня здесь прозвучала.

По поводу энергетического столкновения. Что имеется в виду? Часто у нас говорится о том, что идет жесткая конкуренция за ресурсы. Сергей Александрович сказал, что это нормально, если все, скажем, нефтепроводы и газопроводы, идущие через российскую территорию, я выступал неоднократно перед китайскими коллегами в наших совместных семинарах и считаю эту точку зрения неправильной. Я считаю, что для сохранения нашего стратегического взаимодействия с Китаем «надо делиться», как говорили некоторые. И совершенно не обязательно, чтобы все газо- и нефтепотоки из Центральной Азии шли через территорию России. Здесь необходимо большее взаимопонимание с нашими китайскими коллегами и экономическими партнерами.

Что касается Манаса, насколько я помню, у нас была двоякая позиция. Я тоже удивлен. Тем более удивлен тем, что, с одной стороны, мы как бы открестились публично от этого, так сказать это суверенное решение киргизских властей, а с другой стороны, я слышал, и это было и публично напечатано, что одним из аргументов в пользу такого решения стало решение ШОС, принятое в 2006 году о выводе иностранных баз нерегиональных стран из этого района.

Возвращаясь к теме моего выступления, хотел бы сказать, что очень важен для нас вопрос Афганистана. Во-первых, нам нужно готовиться к возможному варианту ухода оттуда всех. И с этой точки зрения встает вопрос выживаемости соседних стран, то, о чем говорил Сергей Александрович [Караганов]. Это вопрос социально-экономической стабильности и социально-экономического развития государств Центральной Азии. Регион Центральной Азии, Прикаспия в связи с событиями августа 2008 года стал, на мой взгляд, еще более важным, чем был до сих пор. Это одна из главных географических сфер обеспечения Россией своих национальных интересов по периметру границ. Этот регион вообще крайне важен в целом для обеспечения национальной безопасности России. Во-первых, здесь находятся ресурсы, как мы знаем, доступ к которым необходим для обеспечения долгосрочного устойчивого развития российской экономики. Как минимум эти ресурсы могут быть существенным дополнением к собственному ресурсному потенциалу России, в т. ч. тех ресурсов, которых России не хватает. Достаточно упомянуть, что Казахстан, Средняя Азия и Прикаспий были одной из важнейших сырьевых баз народного хозяйства Советского Союза. И для России в перспективе по мере выхода из нынешнего кризиса и по мере развития экономики страны возникает большая вероятность необходимости использовать эти ресурсы в полном объеме, в т.ч. на основе как двухстороннего, так и многостороннего сотрудничества. В свою очередь это может послужить хорошей базой для развития региональной интеграции как средства поддержания региональной стабильности и продвижения российского влияния в регионе в виде soft power, smart power, как будет угодно.

Есть комбинация факторов, которые действуют в пользу экономического сотрудничества в регионе с приходом малой интеграции, но есть и факторы, которые препятствуют этому, по крайней мере, до определенного момента. С одной стороны существуют достаточно основательные перспективы для развития между государствами СНГ в регионе многостороннего сотрудничества, переходящего на определенном этапе в интеграцию политического, экономического, а также более тесного взаимодействия в военной и военно-технической сферах.

Во-первых, сохраняется до сих пор определенное влияние фактора длительного нахождения этих государств в рамках единой экономики, экономики Советского Союза, хотя с течением времени влияние этого фактора ослабевает. Во-вторых, экономика России по мере своего развития является все более сильным полем притяжения для формирования единого рынка товаров, рынка труда, инвестиций, кредитно-финансовых ресурсов, образования и т.п. Другое дело, как Россия пользуется этим преимуществом? Это отдельный вопрос.

В-третьих, быстрый экономический рост в последние годы таких государств как Казахстан, Азербайджан также способствует созданию среды для процессов сотрудничества и интеграции.

В-четвертых, потребность в сотрудничестве возникает у стран, отстающих в социально-экономическом развитии, использовать такое сотрудничество для ликвидации этой отсталости в долгосрочной перспективе, для решения острых проблем социально-экономического развития, прежде всего надежного энергоснабжения, доступа к водным ресурсам, продовольственного обеспечения, повышения качества образования и здравоохранения.

С другой стороны есть достаточно много препятствий для сотрудничества и интеграции. Среди важнейших из них — сильный разрыв в уровне экономического развития стран региона и то, что упоминал Сергей Александрович, что перед некоторыми странами региона стоит проблема экономического выживания.

Второй аспект. Существующие здесь политические режимы, несмотря на внешнюю схожесть, часто сильно не стыкуются друг с другом. Есть глубокое межнациональное недоверие, а также межнациональная конкуренция за лидерство в регионе, подрывающие принятие рациональных решений во взаимных интересах.

Существует резкий контраст между ресурсным потенциалом стран региона и нехваткой текущих ресурсов для социально-экономического подъема. Этот же фактор, правда, представляет России поле деятельности для расширения и упрочения своего влияния в регионе, но и требует соответствующих конкретных действий и выделения соответствующих материальных и прочих ресурсов, что в настоящий момент совершенно недостаточно.

Для оценки перспектив интеграции следует посмотреть и на ту группу стран, которая здесь присутствует. Генерал Ван Хайюнь это уже в полном объеме обрисовал. Я еще раз хочу к этому вернуться. Во-первых, это, безусловно, странообразующий регион. Те молодые государства, которые продолжают находиться в процессе становления государственных институтов и формирования национальных интересов или развала этих государственных институтов. Отсюда довольно резкие колебания во внешнеполитическом курсе. Наглядный пример — Узбекистан, который то сближается, то отдаляется. Особо очевидна их недостаточная надежность в качестве союзников и партнеров. Всё это требует поиска самых разнообразных путей усиления влияния России в регионе, форм и методов увязывания интересов стран региона с интересами России в сферах экономики, энергетики, политики, безопасности, в гуманитарной сфере и т. п.

И Россия, и Китай, а также Индия, Пакистан, Иран, Турция, упоминавшиеся здесь — все эти государства являются неотъемлемым элементом региональной среды, включая, естественно, Афганистан, среды, влияющей так или иначе на перспективы политической, экономической интеграции в регионе, на поддержание стабильности, обеспечение внутренней и внешней безопасности. Все они естественно преследуют свои интересы, которые могут как способствовать, так и препятствовать многостороннему сотрудничеству. И, безусловно, между ними сохраняется сильный элемент соперничества, в которое так или иначе будут вовлечены и Китай, и Россия. Другой вопрос, как мы сможем координировать здесь свои усилия, свои интересы.

Далее нерегиональные силы представляют собой как бы два типа. Они уже упоминались здесь г-ном генералом. Это Япония и Южная Корея, страны в основном с экономическими интересами в регионе. С другой стороны США и Европейский союз, у которых экономические интересы сочетаются с политическими. А в случае с США и политические, и военно-политические, и стратегические интересы часто превалируют над экономическими.

Хотя затруднения доступа Китаю или России к каким-либо региональным ресурсам имеет одновременно как политический, так и экономический смысл в геополитической борьбе, которую Соединенные Штаты, судя по всему, намерены и впредь вести как с Китаем, так и с Россией, стараясь их разъединить, столкнуть и не допустить их совместного политического, экономического противостояния Вашингтону, исключая военное. Я бы сказал, что такие идеи как G-2 и что-нибудь в этом духе будут возникать, в т. ч. в экспертном сообществе Соединенных Штатов, в т. ч. и в качестве поиска путей затруднения стратегического взаимодействия между Россией и Китаем.

В связи с этим важным остается анализ и мониторинг долгосрочных интересов США в регионе, их неизбежное столкновение с интересами России, что потребует поиска всесторонних путей противодействия продвижению американского влияния в условиях продолжающихся попыток стран региона играть на российско-американских противоречиях.

В чем наша цель? Борьба с Соединенными Штатами или как бы поддержание стабильности, координаций усилий? Кстати, координация экономических усилий вполне возможна и весьма желательна с Европейским союзом, в том числе и с точки зрения оказания экономической помощи по целому ряду направлений.

Что касается Соединенных Штатов, опасность представляет т.н. «стратегия продвижения демократии», вслед за которой идет подрыв стабильности существующих режимов с непредсказуемыми последствиями.

Возвращаясь к оценкам перспектив многостороннего экономического, политического и иного сотрудничества в Центральной Азии, мне кажется, что следует продолжить изучение путей взаимодействия здесь многонациональных институтов уже существующих, т. е. прежде всего ШОС, ЕврАзЭС и ОДКБ. Кооперация этих структур в конкретных делах важна для стимулирования интеграции в регионе и в т. ч. в качестве демонстрационного эффекта. И если будут успешные проекты, если будет успешное сотрудничество, то помимо реальной отдачи будет еще и иметь место демонстрационный эффект с соответствующим влиянием на перспективы сотрудничества.

Поэтому особое значение имеет двухстороннее взаимодействие по линии Россия—Китай, Россия—Казахстан. Кстати, и Китай—Казахстан.

Кроме того, перспектива создания таможенных союзов внутри ЕврАзЭС первоначально тремя государствами требует внимательной оценки этого процесса в соотношении с возможностями развития или даже первоначального установления экономического сотрудничества в рамках ШОС, который пока является практически исключительно политической организацией, несмотря на принимаемые экономические решения в рамках организации и существование здесь делового и экономического клубов. В конечном счете расширение сотрудничества по линии ЕврАзЭС—ШОС и ОДКБ—ШОС способно оказать решающее воздействие на стабильность социально-экономического развития стран региона и на поддержание здесь стабильной безопасности, в т.ч. через механизмы предотвращения каких-либо острых конфликтов, либо обострения социально-экономических проблем.

Спасибо за внимание.

— Караганов. Спасибо, Вячеслав Борисович, за интересное выступление, которое перебрасывает во многом уже мостики к нашему завтрашнему обсуждению. Особенно интересной мне кажется ваша мысль о том, что необходимо координировать создание единого экономического пространства в рамках ШОС и ЕврАзЭС. Ее стоит рассмотреть более предметно, потому что попытка создания единого пространства и таможенного союза в рамках ЕврАзЭС будет наталкиваться на естественную конкуренцию Китая, который присутствует в этом регионе со своими товарами не в меньшей степени, чем какая-либо другая держава. Перед перерывом на кофе я дам еще слово Алексею Арбатову. А после перерыва у нас еще остаются два вопроса. Это как мы можем взаимодействовать в Афганистане? Это первое. И мы хотим от наших китайских друзей услышать их гораздо более экспертные, чем у нас оценки ситуации в Пакистане. И нашим коллегам, которые будут обсуждать это в рамках ШОС и других форумов, дать какие-то свои собственные рекомендации.

— Арбатов. По поводу обсуждения у меня есть два замечания. В отношении Афганистана. Когда Соединенные Штаты действительно были очень сильны при администрации Буша и вели несколько войн одновременно, и вообще вели себя как единственная сверхдержава, то совершенно естественно возникало желание ограничить их экспансию в Средней Азии и потребовать, чтобы они все-таки не оставались навечно в частности с базой в Манасе. И в этой связи было оправданное решение, принятое ШОС в 2006 году. Но с тех пор ситуация в Афганистане резко ухудшилась. Ситуация в Ираке для США ничего хорошего тоже не сулит. Новая администрация будет стараться уйти из Ирака и стабилизировать ситуацию в Афганистане. Им не до того, чтобы еще и в Центральной Азии экспансию вести. Им сейчас не до этого. Не этим они заняты, особенно учитывая ситуацию экономического кризиса. Поэтому, мне кажется, просто мы, как всегда, немножко запоздали за событиями и вовремя не учли изменившуюся обстановку. В этом плане я мог бы понять всю ситуацию с Манасом. Я сейчас не ставлю под вопрос необходимость консультаций с китайскими товарищами. Это, как говорят, само собой разумеется, что нужно было это делать.

Но я ставлю вопрос более по существу: а правильно ли вообще вести курс на вытеснение сейчас НАТО и США в частности из Манаса? Не является ли это инерцией той политики, которая была правильна еще 2—3 года назад, но сейчас является уже неправильной, потому что изменилась ситуация. Какая альтернатива, если американцы и НАТО столкнуться с невозможностью продолжать операцию в Афганистане, свернут ее и уйдут. Какая будет альтернатива этому? Альтернатива этому будет, попросту говоря такая, что нам придется там воевать, если не в Афганистане, так уж точно в Таджикистане, возможно в Узбекистане и в Киргизии. Я хочу напомнить, что у нас база в Таджикистане, что у нас обязательства есть. Если талибы возьмут реванш, а они неизбежно возьмут реванш, и это будет триумфальное возвращение. После поражения Запада они не остановятся на Афганистане, они пойдут дальше. Они, кстати, в 2001 году готовились идти дальше. Я тогда еще был депутатом в комитете по обороне Государственной Думы, часто летал в Таджикистан по долгу службы. И это было время, когда на участке в 80 километров талибы вышли к границе с Таджикистаном и каждый день обстреливали таджикскую территорию. И мне пришлось тогда беседовать с руководителями нашей особой группы пограничных войск и руководством 201-й дивизии. Я спрашивал, в случае форсирования Пянджа сколько они смогут продержаться. Они сказали — неделю. Пограничников сметут в первый день, а мы продержимся неделю. И всё. А помощь к нам придет, даже если она придет, через месяц. Вот такая была ситуация. Но тут произошли теракты, изменилась политическая ситуация, антитеррористическая коалиция с участием и Китая, и России, и всех других государств. Все в корне поменялось.

Что сейчас? Послать сигнал американцам, проконсультировавшись предварительно с китайскими товарищами о том, что все, что они делают в Центральной Азии, они должны согласовывать с Россией? Это правильно. И это надо было делать. Но нужно ли было это делать так поспешно и так открыто, и так прозрачно, в этом вопрос у меня. Во-первых, во времени этого демарша. Нужно было подождать, пока новый американский президент лучше определиться со своей политикой, и сначала конфиденциально до него довести соответствующие сигналы.

Да, в известном смысле Центральная Азия это наш «задний двор». Может быть это грубо звучит, но это так. Правильно, неправильно поступили цари 200 лет назад, вопрос историков. Но ситуация такая, как сейчас она есть. И все что там есть, все сделала Россия. Все развила, разведала, построила. Поэтому да, есть такое отношение. На дипломатическом рауте я бы никогда не использовал этот термин, но в частном порядке, среди коллег, да, по существу это «задний двор». И поэтому если мы хотим, если там кто-то имеет присутствие, выполняя даже задачи, которые в принципе в наших интересах, это должно с нами согласовываться. Но вытеснять оттуда американцев и НАТО, мне кажется, неправильно. Я не знаю, чем закончится их операция в Афганистане, но я уверен, что нам важно, чем дальше они там находятся, тем лучше, потому что альтернатива их присутствию меня совершенно не радует.

По поводу наркотиков. Да, на 1700% увеличился поток наркотиков. Понятно, по каким причинам. Там есть сделки с местными наркобаронами в Афганистане, но то, что они идут в Россию, это не только вина афганских наркобаронов и оккупационной армии НАТО. Они же не по воздуху к нам прилетают. Они идут к нам через несколько границ, в т.ч. наших союзников по ОДКБ. И увеличение потока наркотиков связано не только с операцией НАТО, а связано с тем, что незадолго до этого Особая группа погранвойск России была оттуда снята. И постепенно вся граница была передана Таджикистану. И пограничники уже тогда шутили, что каждый метр этой границы стоит миллион долларов. На чем и будут зарабатывать соответствующие службы. Т. е. мы сознательно пошли на этот шаг ради экономии средств, ради вывода войск, ради спасения каких-то ресурсов, но в этом причина. (Реплика: Не без давления американских товарищей). Но кто приказал поддаваться? Это уже не ельцинские времена были. Это уже было после этого. И дальше есть еще большая страна северная, через которую наркотики идут. И с ней тоже взаимодействие лучше должно было быть, чтобы перекрыть эти границы. Поэтому не надо все уж валить только на них. Мы тоже заигрываем с определенными властями, закрывая глаза на их бизнес для того, чтобы они оставались политически лояльными. Давайте называть вещи своими именами.

По поводу соперничества в Центральной Азии. Есть значительная часть российского стратегического сообщества, профессионального сообщества, элиты, которые считают, что конечно присутствие Запада нам там невыгодно. Но если альтернативой этому будет победа там исламского экстремизма, который с Афганистана перехлестнет на север, то это намного хуже для нас, потому что в конечном итоге он докатится до Казахстана, и уже там нам отступать будет некуда. 7 тысяч километров прозрачной границы с Казахстаном. Все наши там ресурсы, все капиталовложения, все наши объекты для нас ценные, не говоря уж про то, что там 40% населения — это русские люди. Поэтому это хуже.

Теперь если Запад настолько ослабеет, что вообще будет сворачивать там свое присутствие, постепенно уходить. Некоторые считают у нас, что остаться один на один с Китаем там для нас тоже не сахар. Потому что если с Западом, с США и с Европейским Союзом, у нас есть какие-то рычаги воздействия, Европа зависит от нас в энергетическом плане, в смысле европейской безопасности, США заинтересованы в сотрудничестве по Ирану, по разоружению, по нераспространению, по борьбе с терроризмом, то с Китаем позиции России очень слабые. По существу все козыри в руках Китая. И Россия чувствует себя очень уязвимой. Я имею в виду, когда говорю о России, тех, кто отстаивает такую точку зрения. Есть часть людей, которые именно так думают. Поэтому может быть для России выгодно, чтобы и Запад, и Китай там присутствовали. Это некоторую свобода маневра России дает, нежели общими усилиями вместе с Китаем оттуда выпихнуть Запад, а потом позволить выпихнуть себя. Я огрубляю, безусловно. Я надеюсь, что китайские товарищи не обидятся, поймут. Просто ради экономии времени я говорю это в весьма упрощенном духе.

Я не знаю, у нас ведь тема Большой Ближний Восток. Так что Иран сюда тоже относиться, поэтому я несколько слов по Ирану хочу сказать. Потому что, мне кажется, у нас обнаружилось здесь большое разногласие между российскими участниками. Во-первых, я настаиваю на том, что Иран не будет ядерной державой, потому что Израиль этого не допустит. Он не просто не допустит того, чтобы Иран создал ядерное оружие, он не допустит, чтобы Иран даже приблизился к этому порогу. Хорошо ли это, плохо ли, но Израиль тут выбирает из двух зол. Для него Иран с ядерным оружием худшее зло, чем война со всеми ее непредсказуемыми последствиями. Может ли с военно-технической точки зрения Израиль нанести удар по Ирану? Да. Даже без американцев, точечный удар по Натансу и Араку он нанести может. И он

собственно только это и сделает. Потом американцы втянутся, когда Иран ответит Израилю по полной программе, американцы втянутся волей-неволей в эту ситуацию. И уж если американцы втянутся, они конечно не точечные удары будут наносить, это будет кампания типа Югославии на выбивание всей военной машины. Поэтому для нас, для всего мира важно, чтобы все-таки Иран подчинился резолюциям Совета Безопасности, за которые и мы, и вы голосовали 5 раз, и Китай, и Россия, и остановил свои программы хотя бы на том уровне, который есть у него сейчас. Требовать от него всё демонтировать, это было бы нереалистично. Он уже не демонтирует, а воевать из-за 5 тысяч центрифуг никто не будет. Но дальше наращивание 10, 15, 20, 30 тыс. центрифуг — этого никто не позволит.

Сейчас тонна с небольшим есть низкообогащенного урана. За 6 месяцев при желании, при переключении режима работы центрифуг из этой тонны можно набрать 25—30 килограмм высокообогащенного урана и сделать 1—2 ядерных боеприпаса. Но все-таки это еще не так близко к ядерному порогу.

Имеет ли Иран на это право? Право это вопрос вообще философский. Да, он имеет право в соответствии со статьей 4 Договора о нераспространении. Там не запрещено иметь ядерный топливный цикл. Но я хочу вам напомнить, что среди всех стран мира, которые сейчас имеют ядерный топливный цикл, включая обогащение урана и сепарацию плутония, эта «пятерка» ядерная, «четверка» вне Договора о нераспространении, которые уже тоже имеют ядерное оружие, и шесть стран-членов Договора, не имеющих ядерное оружие, но имеющих мощную атомную энергетику. У Ирана таковой нет. У него одна-единственная станция в Бушере, которую мы построили. Она не нуждается в этом обогащении урана. Поэтому совершенно очевидно, что он это делает не для энергетики, а для того, чтобы быть близко к ядерному оружию. Такой суррогат ядерного сдерживания: чуть что — сразу создаст. И вопрос о том, имеет право или нет, в данном случае просто иррелевантен. Он имеет право и выйти из Договора в соответствии со статьей 10: уведомление за 3 месяца и выходите, создавайте ядерное оружие. Он и на это имеет право. Вопрос в том, в интересах ли это безопасности Китая и России, и всего региона или нет? Я думаю, что нет. И также не в интересах безопасности, чтобы там была война с непредсказуемыми для нас и экономическими, и политическими последствиями с учетом фактора Персидского залива, нефтяных запасов и ресурсов, и прочее.

И последнее заявление. Павел Золотарев сказал, что будет создано может быть такое оружие, что мы о ядерном оружии будем вспоминать с нежностью. Я думаю, такого никогда не настанет, потому что дальнейшее распространение ядерного оружия неизбежно даст его в руки террористов. И террористы, если они обретут такое оружие, устроят теракт в одной или нескольких столицах, они с нашей цивилизацией покончат в том смысле, в какой мы ее знаем. Тогда некому будет вспоминать с нежностью про ядерное оружие. И именно в этом смысл. Если бы мы могли заморозить ядерное сдерживание, как оно существовало на момент окончания холодной войны, может быть это неплохая была бы организация международной безопасности. Но беда в том, что мы, не идя по пути разоружения постепенно и поэтапно, не можем остановить распространение ядерного оружия. А раз мы не можем остановить распространение, мы не можем предотвратить попадание его в руки террористов. А здесь уже никакое сдерживание работать не будет. Поэтому насчет цивилизационной роли ядерного оружия в нынешних условиях я бы здесь все-таки не был таким категоричным, равно как насчет Ирана и необходимости предотвратить такую ситуацию, когда 16-17 стран станут ядерными. Если 16-17 стран будут ядерными, то террористы получат его точно, потому что в этих странах нет такой системы охраны и нет такой культуры обращения с материалами и технологиями. И тогда нам мало не покажется. Никак мы к этому миру приспособиться не сможем.

— Караганов. Мы так и не обсудили возможную нашу общую политику в отношении Афганистана. Только один раз прозвучала идея поддержки Северного альянса, который мы поддерживали в свое время вместе для того, чтобы талибы не прорвались. Сейчас этот вопрос не стоит. А этот вопрос, мне кажется, будет стоять очень остро уже в ближайшие месяцы, если не годы.

Наконец, у нас образовалась некоторая не конфликтная ситуация, но тем не менее некая оппозиция. Одни коллеги говорят: Средняя Азия наш «задний двор», который хотим мы или не хотим нам придется защищать; а другие коллеги говорят, что они не хотят признавать сферу интересов и сферу ответственности России как единственной. Я понимаю, что за этим стоит, но как решить этот вопрос, нам нужно обсудить совместно и откровенно в том дружеском и открытом интеллектуальном смысле, в котором мы и ведем дискуссию.

Перерыв на кофе.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВТОРОГО ЗАСЕДАНИЯ

— Караганов. Продолжаем нашу работу. Я с удовольствием предоставляю слово господину министру, послу, депутату Квицинскому.

— Квицинский. Спасибо обоим председательствующим за умелое ведение дискуссии и постановку очень интересных вопросов, которые облегчают задачу выступающих. Я прошу разрешения у нашего российского сопредседателя нарушить его указание и, поскольку я член фракции КПРФ, обращаться к китайским коллегам «товарищи», а к российским — «господа». Пользуясь щедростью нашего председателя, который разрешил частично затрагивать вопросы, которые обсуждались до обеда, я с них и хочу начать. Прежде всего, кризис, который то ли кончится скоро, то ли не кончится, и тут были заявления, что, дескать, Соединенные Штаты очень быстро могут из него выйти. Я полностью сочувствую тому, что говорили здесь китайские товарищи в отношении того, что не надо торопиться с выводами, потому что прогнозы сейчас делать очень затруднительно. И вообще всякие прогнозы политические, как правило, дело неблагодарное.

Что же касается быстроты выхода и несравнимости нынешнего кризиса с кризисом в Соединенных Штатах в 1930 годы, то тут тоже есть два разных мнения. Например, такое, что в отличие от того, что было в США в 30-е годы, когда кризис начался в условиях, когда у Соединенных Штатов не было той страшной колоссальной государственной задолженности и дефицита, который имеется сейчас, так вот в те годы этот кризис характеризовался тем, что в 1932 году было примерно 25% безработных и несмотря на все принимаемые меры, дефицит рос, а в 1939 году было по-прежнему 17% безработных. И Морган Далл в отчаянии говорил, что мы платим деньги, мы загоняем страшные суммы в банки на их поддержку, мы проводим общественные работы, а дело не поправляется. И оно поправилось знаете когда? Когда они подняли численность своей армии с 1 млн., до 8,6 млн. человек и потом вступили в войну. Вот тогда кризис был преодолен. Так что тут, когда говорят, что могут возникать ситуации, в частности борьбы за территорию и ресурсы, я очень склонен внимательно к этому прислушиваться и призывать делать из этого выводы, а не считать, что ничего не случится и все будет тихо и спокойно. Наверное, никто поручиться за это не может на 100%.

Во-вторых, о политике Обамы. Мне думается, что ожидать от него некоего ренессанса цивилизации, любви и дружбы во всемирном масштабе немножко наивно, потому что скорее всего он попытается вернуться к тому, что имели Соединенные Штаты до наступления кризиса — восстановить тот порядок, который в общем характеризовался тем, что Соединенные Штаты всасывали ресурсы со всего мира и экспортировали инфляцию. Эта попытка будет предпринята. И в такой обстановке наша задача и задача КНР — использовать ситуацию, которая кризисная и которая ставит США в сложные условия, ослабляет их, для того, чтобы расширить и усилить наши позиции. Как тут действовать согласованно и каждому решать свои интересы, не наступая друг другу на ноги, а, наоборот, достигая синергетического эффекта, это, я думаю, очень благодатная тема для обсуждения. Но не надо терять времени, потому что оно нам отпущено не бесконечно.

Насчет ядерных сокращений, тут я полностью согласен с Сергеем Александровичем. Нам в условиях тотального превосходства Соединенных Штатов по обычным видам вооружения и вообще по всем видам вооружения, мы в любой комбинации противников, идти на слишком глубокие сокращения ядерного оружия не целесообразно, невозможно. Это было бы, в конце концов, поощрением тех, кто хотел бы использовать военные средства для решения международных вопросов.

Другое дело, что сейчас когда Обама сюда наслал массу различных именитых эмиссаров, и когда готовится встреча в Лондоне, можно конечно поговорить о том, чтобы заявить, что все мы стремимся и очень сильно стремимся к тому, чтобы мир стал безъядерным. Это кстати идея не новая. В 1985 году мы ее выдвигали и услышали тогда от американцев, что, вы что нас за дураков держите? У вас такое превосходство по обычным вооружениям, что мы никогда на это не пойдем. Но и мы должны понимать, что нам идти на это не надо, но заявить что-то подобное имеет смысл. Какое-то сокращение может быть проведено. А что касается последующего, то там надо будет сильно посмотреть. Я думаю в плане того, что этот процесс будет находиться под контролем и носить скромный характер, тут нам окажут вольно или невольно помощь наши китайские друзья, которые конечно не пожелают участвовать в переговорах о сокращении, ссылаясь на то, что у них несколько сотен боеголовок, а у других по тысяче. А поскольку в этом обращении будет заложен призыв о том, что сокращаться должны будут со временем все, на этом видимо процесс и остановится.

Дальше. Тут говорилось достаточно много по Ирану. Я имел честь пару дней назад выступать на одном мероприятии в Академии наук с американцами. Заслужил критические замечания со стороны г-на Дворкина и отчасти со стороны Алексея Арбатова, но я еще раз повторяю, что нынешняя ситуация для США состоит в том, что они либо приходят к выводу о том, что с Ираном нужно договориться, пока он не создал ядерного оружия, и это была бы разумная позиция, либо для них вторая опция это — создание Ираном ядерного оружия и переход к военным действиям с Израилем или без оного, исход которых совершенно непредсказуем. А если верить нашим иранским коллегам-дипломатам, это будет означать конец Израиля. Что они имеют в виду, не знаю, но в Израиле есть некая точка очень уязвимая, которая называется реактор Димоне.

Соответственно в нынешней ситуации нам, наверное, ни в коем случае не надо поддерживать линию США. Это линия на то, чтобы усилить давление на Иран, ввести дополнительные санкции, в общем задавить и сломать его через коленку. Эта линия на развязывание конфликта у нас в южном подбрюшье и у вас недалеко от китайских границ. Соответственно нам это ни к чему, и вам совершенно ни к чему, поэтому надо было бы сейчас проявить инициативу и выступить с идеей или с проектом, или начать переговоры с иранцами об оформлении того, чего они обещали на предыдущих переговорах, т. е. что они не будут иметь ядерного оружия, что они не будут при обогащении выходить за определенный процент, что они не уйдут из ДНЯО, что они примут любые контрольные меры со стороны МАГАТЭ и т. д. Если такая договоренность будет вырисовываться, ее надо оформлять. А тот, кто не хочет ее оформлять, пусть сам тогда разбирается со своими проблемами.

По Афганистану у меня есть одно я бы сказал хулиганское замечание. Если американцы будут там побеждать, то это плохо. Если будут побеждать талибы, это тоже плохо. Надо сделать так, чтобы они друг с другом не расстались и продолжали заниматься друг другом. Потому что чем больше они там занимаются друг другом и драчками на Ближнем Востоке, тем меньше у них возможностей активизировать силовую политику в других регионах мира. А это, по-моему, на пользу дела.

Спасибо за разъяснения относительно Бжезинского и G-2. Теперь я хотел немножко попротиворечить моему уважаемому другу товарищу Ли. Тема восстановления СССР, я знаю, что когда состоялась Беловежская Пуща и начался распад Советского Союза, в Китае по этому поводу не очень печаловались, и даже были рады, что Россия ослабла и теперь с ней можно в ослабленном виде устраивать партнерство и дружить. Но, тем не менее, я должен сказать, что все же Советский Союз был распущен в нарушение всех законов, правил и конституций. Это было незаконное действие, и юридически я не могу сказать, что Советский Союз прекратил свое существование. Это не значит, что надо призывать к восстановлению Советского Союза какими-то силовыми методами, нет. Но в то же время нельзя закрывать путь, нельзя исключать ситуации, когда какие-то бывшие союзные республики с течением времени по ходу процесса интеграции захотят восстановить в той или иной форме единство с Россией. А Россия — преемница Советского Союза. Этот путь я бы не исключал и не закрывал, потому что он тогда предполагает осмысленную политику на пространстве СНГ, которой до сих пор у нас нет. Он предполагает политику, которая строит наши отношения с теми странами, которые не желают с нами интегрироваться чисто на принципах международного права, как и говорил посол Ли. А с теми, которые желают более близких связей, а такие есть, с теми должна быть особая политика, преференциальная политика, политика, если угодно, списанная с политики, которую проводила ФРГ в отношении ГДР. Как известно, эта политика привела к успеху. Это преференции, это особые условия торговли, это человеческие контакты, это много, много всяких вещей, которые не вписываются в рамки обычного международного права.

Теперь насчет ЕС. Для вас, дорогие китайские товарищи, Европа это далеко. И она может быть привлекательна и прекрасна. А мы к Европе близко расположены. У нас с ними длинная борода разных исторических конфликтов, сотрудничества, вражды, войн и т. д. Этот партнер для нас не проще, а во многом сложнее, чем Соединенные Штаты Америки. Кроме того, наличие у наших границ мощного Европейского Союза на самом деле в длительной перспективе нежелательно. Нам желательно иметь возможно более рыхлый Европейский Союз, но достаточно сильный и сплоченный, чтобы создавать какой-то противовес и противоречить Соединенным Штатам по важным вопросам. Но в то же время достаточно слабый ЕС, который не мог бы этого делать, если он не пользуется поддержкой России. Это идеальная была бы ситуация, которая позволяла бы нам, во-первых, сотрудничать с ЕС, во-вторых, оказывать эффективное влияние на его политику.

Тут шел вопрос о том, что китайское ядерное оружие недостаточно прозрачно. Я понимаю китайскую позицию в этом вопросе, полностью понимаю. И думаю, что китайская позиция по ядерному оружию не будет открытой до тех пор, пока Китай не станет участником каких-то соглашений по сокращению контроля над ядерными вооружениями. Я понимаю раздражение

американцев по этому поводу. То, что они видят со спутников, их не совсем устраивает. Они подозревают, что значительная часть того, что они видят, является на самом деле ложными позициями. «Двуногих» возможностей проверить что и как у них нет, а всякий конфликт с ядерной державой, как вы знаете, Америка планирует конфликт, в котором они наносят первыми ядерный удар, выигрывая на этом решающие 2 или 3 часа и успех во время войны. Поэтому если смотреть с этой точки зрения, то чем меньше они знают для нанесения контрсилового удара, тем выше безопасность Китая.

— Адамишин. У меня два коротких комментария. Первый вроде такой теоретический, геополитический. Было такое время лет 35 назад, когда у нас были неважные, прямо скажем, отношения с Китаем. И у нас были совсем неважные отношения с Соединенными Штатами. В это время Соединенные Штаты предложили такую формулу: их отношения и с Россией, и с Китаем должны быть лучше, чем отношения между Россией и Китаем. И они в конечном счете этого добились. Делая как бы зеркальное отражение, я думаю, что неплохой был бы вариант для этого треугольника, в котором, я не говорю, чтобы наши отношения с Америкой были лучше, чем, скажем, отношения Китая с Америкой, но так, чтобы наши отношения и с Китаем, и с Америкой были равнобедренными, давали большую устойчивость этому треугольнику, тем более что, насколько я понял, речь может пойти о практическом сотрудничестве в тройственном формате.

Второй короткий комментарий касается Афганистана. Арбатов, мне кажется, очень точно изобразил ситуацию, что значит для нас Афганистан. И с этой точки зрения есть разница между нами и Китаем, поскольку до Китая и талибам, и наркотикам добраться значительно сложнее, чем до нас. А если они проходят через Таджикистан, то дальше до самой Москвы нет никакой границы, ни единой. Сначала это Казахстан, правильно сказано, 7 тысяч — прозрачная граница, и дальше никаких сдерживающих моментов. Так что мне представляется, что когда американцы сейчас впервые выполняют за Россию грязную работу, мы были бы заинтересованы, во всяком случае, в том, чтобы эта работа продолжалась.

И, увязывая два комментария, я хочу спросить: мыслимо ли американо-китайско-российское тройственное сотрудничество по Афганистану?

— Караганов. Я бы обратился к нашим китайским коллегам, чтобы они поразмышляли о концепции трехстороннего сотрудничества, над которой они размышляют и которую, как мы знаем, они иногда в неофициальном порядке выдвигают.

И, наконец, мы выявили совершенно понятные разночтения в наших интересах. Я думаю, что мы не заинтересованы полностью в вытеснении Запада из региона Большой Средней Азии. В противном случае мы окажемся там один на один с условным «Талибаном». И г-н Арбатов сказал, что нам не очень выгодно быть один на один и с Китаем, лучше иметь некую гибкость. Но вопрос о трехстороннем сотрудничестве до сих пор никем серьезно не ставился в решении проблем Афганистана. И может быть об этом стоит поразмышлять в практической плоскости.

Кроме этого я хочу напомнить, что проблема Манаса, хотя она очень неловко была решена, я полагаю, проистекает более всего из той истории, которая произошла несколько лет назад. Тогда, если вы помните, наш президент Владимир Владимирович Путин звонил руководителям Киргизии и Узбекистана и поддерживал просьбу американцев о размещении баз на их территории в расчете на то, что в ответ наши американские партнеры пойдут нам навстречу по тем вопросам, которые нас интересуют.

Наши американские партнеры, как известно, ни по одному из таких вопросов нам навстречу не пошли, что вызвало и у руководства страны, и у значительной части российской элиты некое ощущение, что с американцами договариваться в принципе на основах доброй воли нельзя. Что сначала нужен жесткий торг, притом что требовать оплаты нужно вперед. Кто знает русскую культуру, помнят наверное знаменитую формулу: утром деньги, днем стулья, т.е. сначала оплата, потом действия.

Я полагаю и был бы удивлен чрезвычайно, если бы я оказался не прав, что в Манасе речь идет именно о создании такой позиции, когда Россия получит определенные обязательства жесткие со стороны США, а затем вместе с нашими киргизскими коллегами разрешит снова базирование самолетов НАТО на территории либо Манаса, либо другой базы, наверное, на других условиях — экологических, экономических, политических и т. д. Но, тем не менее, конечно это не отменяет необходимости нам консультироваться по столь деликатным вопросам, которые имеют к нашей общей безопасности самое прямое отношение, с нашими китайскими коллегами. Если бы мы консультировались, то это был бы бесплатный плюс, мы бы ничего не проиграли,

только бы получили. Я надеюсь, что такие события будут случаться реже и реже по мере сближения нашего взаимодействия.

— Касаев. Я хотел бы сказать, что конечно сегодняшняя наша дискуссия окончательно убедила, если были такие, сомневающихся людей в том, что Россия и Китай в любой конфигурации взаимоотношений — это основа, одна из серьезных основ будущей системы мировой безопасности как бы она ни выглядела в любом случае. И конечно регион Центрально-Азиатский, расширенный он будет или тот, к которому мы привыкли под названием Средняя Азия, поскольку он является естественной транзитной, буферной, приграничной территорией для обоих наших государств, его значение в любом случае будет только возрастать, в т. ч. и в вопросах российско-китайского сотрудничества, партнерства. И, я надеюсь, на этом перечень российско-китайского взаимодействия будет завершен. Т. е. иного, кроме сотрудничества и партнерства, не предвидится.

Что мне хотелось бы сказать в этой связи. Регион огромный. Это 60 млн. человек. Это колоссальные сложности в предстоящие несколько лет. Прежде всего сложности в экономике, в социальной сфере и естественно в сфере безопасности. Поэтому оценивать этот регион нужно и как геополитическое подбрюшье, предбрюшье России и Китая, но в то же время его несомненно нужно оценивать как самостоятельный геополитический регион, как не только преддверие Афганистана, а как территорию, где есть свои проблемы. Причем эти проблемы не всегда зависят от наличия соседей, и не всегда соседями этими определяются и решаются, но соседи, как бы велики и могущественны они ни были, должны иметь в виду наличие такого рода проблем.

Есть и позитивные моменты, наработанные за почти 20-летнюю историю независимого существования этими государствами. Это более или менее мастерское дипломатическое лавирование в интересах естественно правящих в этих государствах элит, которое в частности можно использовать и нам, и нашим китайским партнерам, в частности в тех проблемах, которые касаются взаимоотношений с любыми властями Афганистана.

Совершенно особые отношения связывают на протяжении уже 15 лет, начиная с 1994 года, такую небольшую, но важную центрально-азиатскую страну как Туркменистан с Афганистаном. Причем правительство Талибана для туркменского руководства и прошлого, и нынешнего в принципе предпочтительнее, чем правительство Карзая. Вопрос: почему это происходит, какие механизмы здесь задействованы? Есть примитивный ответ, что это все благодаря тому, что Туркмения свободно разрешает наркотрафик. Я вас уверяю, что это не так, что дело не в свободном наркотрафике, поскольку куда дальше девается этот самый наркотрафик? Куда он уходит? В Казахстан? В Узбекистан, а дальше куда? Говорят, что в Россию. Значит, это проблема уже российская.

Не менее изощренными дипломатическими во всех смыслах этого слова традициями обладает узбекское руководство во взаимоотношениях с серьезной частью афганской политической, экономической элиты.

Мы совершенно недооцениваем реальное взаимодействие властей Таджикистана с афганцами, исключительно опираясь на те заявления и декларации, которые периодически, в основном в осенне-зимний период, идут из Душанбе о страшно угрожающей ситуации, которая складывается в этой стране, о грядущих миллионах мигрантов, которые двинутся стройными толпами в Россию. Это все серьезное преувеличение. В рамках опять же традиционной достаточно изощренной и все более и более улучшающейся с этой точки зрения внешней политики президента Рахмонова, а ныне Рахмона. Никаких миллионов таджиков нет. Общее количество таджикских мигрантов, которые имеются, в несколько раз меньше, чем количество мигрантов из Узбекистана. И очень серьезные российские и международные специалисты оценивают это примерно в 250—400 тыс. человек в сезон. Вне сезона эта цифра немножко падает.

Таким образом, изучение внутренней ситуации центрально-азиатских государств и их внешнеполитического опыта я бы поставил в качестве самостоятельной позиции для внимания серьезных исследовательских структур и в Российской Федерации, и в Китайской Народной Республике. Но в принципе это может быть самостоятельной междисциплинарной, межгосударственной проблемой, которая может быть выделена в качестве одного из совместных научных проектов российско-китайских. Вопрос только в том, какие структуры в Пекине и в Москве будут способны выработать общий подход и заняться этими проблемами, может быть и в рамках неких исследовательских проектов ШОС. О чем мы, возможно, будем говорить завтра. Но вообще с тем, что касается информационной насыщенности и аналитической деятельности в рамках Шанхайской организации сотрудничества существуют исключительно одни проблемы. Никакого позитива я не наблюдаю все эти годы.

И у меня вопрос к нашим трем основным спикерам второй части нашей панели. Вопрос небольшой, но для меня важный, показательный. Как Китайская Народная Республика относится к недавно созданным коллективным силам (КСОР) в рамках ОДКБ? Как эти силы потенциально могли бы действовать в регионе, который одновременно входит фактически в две системы безопасности, т. е. в зону ответственности ОДКБ как военно-политической организации, и в зону компетенции ШОС как политической организации, но с элементами совместного военного планирования? Будут ли силы КСОР дееспособны в этой ситуации? Что может предпринять эти самые КСОР в случае, допустим, повторения в каком-либо виде Баткенских событий в Кыргызстане 1994-96 годов, что? И есть ли возможность предусмотреть расширение сферы ответственности коллективных сил до рамок, естественных в этой ситуации, как мне кажется, рамок Шанхайской организации сотрудничества.

— Ли. По поводу того, что там сейчас творится в Афганистане, оценка ваша и наша примерно одинаковая. Там бардак, Карзай контролирует там кроме столицы почти ничего. Там двойная власть как у нас свое время при японцах и т. д.

Американцы сейчас, Обама, видимо, решил как-то решить этот вопрос путем увеличения военного контингента, путем нажима. Мы сходимся с вами в том, что видимо американцам не удастся это сделать. Значит, такая ситуация хаотичная будет продолжаться. И, как говорил Алексей Георгиевич [Арбатов], талибы вернутся обязательно.

Так в чем же тогда наши интересы, интересы России, интересы Китая? Учитывая безопасность региона Центральной Азии, ОДКБ, ШОС и т. д.

27 марта будет тут проходить конференция международная по Афганистану под эгидой ШОС. Какая цель ставится этой конференции? Показуха? Или мы хотим показать, что мы вместе с американцами, чтобы выбить оттуда талибов? Мне кажется, очень важно в этой связи правильное понимание позиций Китая и России между собой и выработать какой-то единый подход, может быть даже в рамках ШОС, чтобы учесть все стороны вопроса, связанные с Афганистаном.

Тут г-н Касаев правильно затронул вопрос о том, какова позиция стран Центральной Азии по этому поводу. Очень важный момент. Потому что мы понимаем, что у туркменов особые позиции по поводу талибов. Я хорошо помню, еще лет 8 назад Шахмурадов всем нам известный политик, мне говорил, что у них с талибами никаких проблем абсолютно. Граница прозрачная, никаких наркотиков и т. д.

У узбеков своя позиция. У них там генерал Дустум и т. д.

Я хочу сказать, что при всем этом мы должны учитывать позиции этих стран. У нас же еще и организации, даже не одна, а еще и ОДКБ, и ЕврАзЭС, и ШОС, и т. д. Поэтому надо учитывать позиции этих стран, чтобы выработать какой-то единый подход.

— Караганов. Поставлю на обсуждение один вопрос, вокруг которого мы все время ходим и который посол Ли Фэнлинь очень четко поставил, хотя и с китайской аккуратностью. Не стоит ли нам подумать о том, чтобы выработать совместную позицию о том, чтобы частично помочь нашим американским и натовским коллегам, но за плату, чтобы они и дальше были в Афганистане и сдерживали дестабилизацию Афганистана? Я правильно понимаю вопрос. Я его обостряю как ведущий. При этом некоторые из наших коллег говорят, что чем дольше они там будут сидеть, тем лучше, но мы не будем естественно ставить этот вопрос таким образом. Но реально, я так понимаю, мы сошлись в том, что ни Китаю, ни России в среднесрочной перспективе невыгодно неминуемое поражение НАТО в Афганистане, которое окажет огромное негативное воздействие и на Центральную Азию, и на другие близлежащие страны, в т. ч. Пакистан, в т. ч. Иран и т. д.

Если это так, то давайте подумаем, как это делать, и может быть, предложим нашим официальным коллегам какие-то решения для той самой конференции, которая состоится буквально через 2 недели. У меня нет уверенности, что наши официальные коллеги имеют окончательный ответ на этот вопрос. Может быть, хотя бы на общеполитическом уровне мы что-то им можем предложить, в т. ч., кстати говоря, и условия новые по базе Манас. И вообще быть транзит через Казахстан, может быть действительно это сделать совместным мероприятием, тем более, повторю, из нашей дискуссии вырастает убеждение, что несмотря на всё наши желание вытеснить Запад, отомстить американцам за все унижения, выясняется, что в общем поражение НАТО будет наиболее крупной проблемой в конечном итоге для региональных держав, в т. ч. России и Китая. И конечно можно будет радоваться, что НАТО потерпел сокрушительное поражение, которое может даже привести к очень серьезному ослаблению этой организации, но в результате мы окажемся в еще более сложном положении.

— Золотарев. Я хотел бы сам себе и остальным задать вопрос. А если себе вообразить совершенно фантастическую ситуацию, что удалось НАТО и американцам в Афганистане навести порядок, уйдут ли оттуда американцы? Что-то у меня большие сомнения на этот счет. Они скорее могут уйти, если там будет слишком плохо.

Второй момент. А в принципе возможно ли решение ситуации в Афганистане, исходя из принципа либо Карзай, либо талибы? Я склоняюсь, например, к тому, что без какого-то коалиционного формата это вообще бесконечный процесс. Может, я ошибаюсь. Я не специалист по этому региону. Выступление коллеги Касаева как раз меня больше склонило к тому, что, наверное, все-таки этот вариант исключать нельзя, с учетом в т. ч. позиций центрально-азиатских государств.

Что касается помощи американцев, я думаю, что можно было бы вернуться к базам и может быть даже с каким-нибудь экзотическим вариантом совместных баз, и сняв ограничения, что только невоенные грузы, а почему бы и не военные грузы. Но при этом связать их дружескими объятьями в рамках таких совместных баз.

Здесь прозвучало предложение насчет тройственного треугольника по Афганистану. Наверное, нельзя нам забывать, хотим мы того или нет, про Индию, которая здесь тоже играет немалую роль. Здесь я хотел вопрос задать нашим китайским коллегам. Как они оценивают возможную роль Индии в случае возникновения в Пакистане критической ситуации с ядерным оружием? Кто здесь раньше его возьмет под свой контроль — подразделения спецназа американские или индийские?

И следующий вопрос: как оценивают наши китайские товарищи намерения Индии в плане своего ядерного потенциала? Я думаю, что для Индии вряд ли представляет интерес ядерный паритет с Пакистаном. Не хотят ли они в перспективе иметь ядерного паритета с Китаем? Какая оценка здесь?

— Арбатов. Афганистан был жизнеспособным государством при короле. После того как они сделали революцию, Афганистан постоянно погружался в пучину насилия, гражданских войн, нестабильности. И, мне кажется, что вернуть его в стабильное состояние в обозримый период просто невозможно. Вы знаете, как говорится, из аквариума с рыбами очень просто сделать уху, просто подогреть аквариум и всё, но назад из ухи сделать аквариум практически невозможно. Так же и с Афганистаном.

Поэтому мне кажется, что если бы Запад забыл обо всем окружающем мире и все свои ресурсы, и военные, и экономические, сосредоточил на Афганистане, может быть, еще что-то получилось бы. Но с юга Пакистан нестабильный. И Пакистан тоже очень может вполне вероятно обвалиться. И тогда Запад поневоле переключится на Пакистан, потому что развал Пакистана в силу очевидных причин гораздо опаснее, чем развал Афганистана.

В этой связи мне кажется, что ОДКБ и ШОС должны определить взаимодействие. По существу ШОС — это та же самое ОДКБ плюс Китай, минус Белоруссия и Армения. Так что, я думаю, что одни и те же страны в основном и в ОДКБ, и в ШОС, если считать со стороны бывшего Советского Союза, и Китай. Необходимо принять решение о гораздо более активном участии. Конечно, за плату — не только экономическую и не только по вопросам разоружения и расширения НАТО, — но и за политическую плату, в частности, я полагаю, что если сильно припечет в Афганистане, то НАТО согласится и признать ОДКБ, и сотрудничать с ОДКБ, если ОДКБ реально сможет чем-то помочь.

Чем может ОДКБ помочь вместе с Китаем? Установить контроль над северными провинциями, где живут узбеки и таджики и привлечь сюда и Узбекистан, и Таджикистан так же, как это было сделано в 2001 году во время антитеррористической операции. И Китай, и Россия могут оказать большую помощь в обеспечении военном и гражданском, и инструкторами, и оружием, большое количество можем поставить, особенно Россия, у которой в хранилищах расформировываемых частей есть большие партии вооружения, которое в любом случае некуда девать, поставить Северному альянсу, имея для себя в виду, что фактически речь идет о разделе Афганистана. Не надо этого говорить официально, но про себя иметь в виду, что де-факто именно речь об этом и идет. Поскольку государство нежизнеспособно, лучше разделить его, предоставить НАТО разбираться с центральным и южным Афганистаном и с Пакистаном, с Вазиристаном, а ШОС и ОДКБ взять на себя ответственность за северный Афганистан. Кстати, взяв такую ответственность, легче будет и прекратить поток наркотиков, если в принципе мы реально хотим это сделать, оказать реальное воздействие на Таджикистан и Узбекистан, через которые поток этот, собственно говоря, и идет.

— Караганов. Уточняющий вопрос Арбатову. Что такое в вашей формулировке «взять на себя ответственность» за северную территорию? Потому что понятно, что если за центральный, южный и Вазиристан ответственность означает нахождение там войск, экономической помощи и т. д. Что, вы считаете, что мы можем вернуться в какой-нибудь мере, кроме денег, оружия, советников и общей политической поддержки?

— Арбатов. Я бы сразу сказал, что это можно представить себе в виде какой-то эскалации вмешательства по мере того, потребует этого объективная обстановка или нет. Я сразу хочу сказать, что верхнюю ступень этой эскалации, т. е. ввод туда российских войск, я заведомо исключаю. Это по целому ряду очевидных причин должно быть исключено. Но помимо этого есть большой набор мероприятий, которые можно сделать, начиная с вооружения, обучения Северного Альянса с тем, чтобы они активнее действовали и контролировали ситуацию в северном Афганистане. [реплика: Нет там Северного Альянса.] Значит надо его воссоздать. Он же был создан. Кстати, сухопутные боевые действия именно он провел, избавив американцев от самой тяжелой, грязной и кровавой сухопутной войны. Северный Альянс в 2001 году и провел эту сухопутную войну. Значит можно его вооружить и обучить и им руководить.

Таджикские и узбекские части тоже могут там принимать участие. Это соплеменники, говорят на одном языке, связи очень большие. Я думаю, что и узбеки, и таджики от этого не откажутся, если их будут поддерживать Россия и Китай. И как самая высшая форма участия, я вполне допускаю огневую поддержку с воздуха, обеспечение транспортом, переброски войск, поддержка артиллерии и военные советники.

— Караганов. Прошу еще коллег иметь в виду и на завтрашнюю дискуссию, когда мы более конкретно будем обсуждать наше взаимодействие в рамках ШОС, ОДКБ, будущее ШОС, всех других возможных региональных систем безопасности, что в том регионе мы имеем не только Россию, Китай, США в качестве главных партнеров. Мы еще там имеем и европейские страны, которые играют определенную роль и через которые мы можем оказывать свое воздействие, потому что у нас сложилась в дискуссии некая односторонняя ситуация.

— Адамишин. Евгений Михайлович рассматривал варианты такой помощи, которая предусматривает вхождение в Афганистан или какое-то вмешательство. Но есть и проблема доставки туда грузов. И мы можем работать по этой проблеме, не выходя из столиц.

— Кожокин. Грузов, да, если обратятся, попросят. [Реплика: Они тысячу раз обращались.] Пусть еще обратятся. Мы тоже с очень многими вопросами обращались к американским коллегам и получали более чем определенный ответ. [Реплика: Нам самим выгодно.] В чем нам выгодно? Я не вижу никакой выгоды оттого, что мы сейчас, что касается России, не буду говорить про Китай, может у них совсем другое видение, что касается России, я считаю, что мы можем прийти туда с минимальными проектами в северной части. Все. Экономическими сугубо проектами, может быть какие-то гуманитарные акции проводить для того, чтобы наше было присутствие там в большей степени, не только посольство небольшое. И все. Больше там нам делать нечего. Потому что у нас до сих пор действительно Советский Союз перестал существовать, а мышление совершенно советское. Мы что, гигантская страна? У нас собственных проблем нет? Мы будем Афганистан спасать и американцам помогать. Давайте отъедем за 200 км от Москвы, там знаете сколько людей, которых спасать надо. Давайте заниматься этими вопросами. А нищему Афганистану с американцами, обалдевшими от своего собственного всемогущества, пусть они разбираются там сами.

— Амиров. Во-первых, по Афганистану я согласен, что сотрудничество в плане внимательного мониторинга ситуации и подготовки каких-то мер на перспективу, которые могли бы нас приготовить к худшему варианту либо к возникновению каких-то возможностей, включая экономические проекты в северной части для стабилизации ситуации и т. д.

Что касается вопроса по силам быстрого реагирования (КСОР), то президент Медведев, когда об этом говорил, сказал о том, что до этого были силы быстрого развертывания. Они так никогда и не развернулись. И для начала нам бы в рамках ОДКБ надо посмотреть, как заработают, как будет создана структура, как будут они реально функционировать эти силы быстрого реагирования.

Потом, когда наш министр иностранных дел Лавров успокаивал азербайджанских товарищей по поводу сил быстрого реагирования, он сказал, что они могут действовать по положению только на территории государств ОДКБ. А нам сотрудничество в рамках ШОС нужно прежде всего для мониторинга ситуации в Афганистане, насколько я понимаю.

Сотрудничество с Западом. Я думаю, что здесь возможны различные формы. И не следует концентрировать свое внимание исключительно на транзите невоенном или включая военный транзит.

Я упоминал о взаимодействии с Европейским Союзом, потому что нам очень нужны ресурсы, а у нас наши ресурсы ограничены, поэтому для региона очень нужны всякого рода ресурсы для улучшения социально-экономического положения там. А нынешнее состояние социально-экономического положения в общем представляет собой угрозу стабильности в регионе. И здесь возможны различные варианты нашего взаимодействия с Западом. Но я также согласен, что прежде всего очень многое будет зависеть в плане взаимодействия с американцами от общей атмосферы наших отношений. И они будут влиять на взаимодействие по конкретным вопросам. Например, говорят про поражение НАТО в Афганистане, а как это скажется на наших отношениях с НАТО, на наших отношениях с Соединенными Штатами?

— Караганов. Могу утверждать, что наше взаимодействие или что-то похожее на взаимодействие с Евросоюзом в Средней Азии было чистой фикцией. Да, собственно говоря, активность Евросоюза с точки зрения стабилизации ситуации была чистой фикцией. Ничего они не делали, а только показывали флаг. Все суммы, которые там были потрачены, это было несколько сот миллионов долларов, 80% из которых пошло как всегда на оплату делегаций. Ничего на земле не осталось. Евросоюз, к сожалению, в Центральной Азии ничего не мог сделать. Хотя была специальная инициатива Евросоюза. Это я говорю без всякой радости, потому что там была реальная основа для взаимодействия с целью стабилизации. Реально ничего Евросоюз не сделал. Он там игроком не является.

— Амиров. У японцев то же самое. 50% выделенных средств — на поездки делегаций туда.

— Ван Хайюнь. Только что мы услышали очень много интересных соображений, размышлений вслух. Меня они очень вдохновили и породили у меня много новых вопросов. Т. е. все это говорит о том, что мы должны идти рука об руку, Китай и Россия. Я решительно поддерживаю такую позицию. Мы должны с помощью непосредственного анализа, преследуя наши общие интересы, добиваться результата. Наши интересы близки. Мы все стоим перед прессингом со стороны гегемонистских государств. Мы еще ветераны по разным войнам. И мы очень надеемся на усиление нашего союза ради достижения мира во всем мире. Наши представления о мире, о мировом порядке тоже очень близки. Поэтому мы должны идти вместе.

Что касается наших отношений стратегического партнерства, то тут главное взаимодействие, т. е. мы должны сохранять единство во взглядах там, своевременно решать вопросы, несмотря на определенные расхождения, и развивать наши отношения истинного стратегического партнерства. Об этом я сегодня и предлагал кое-какие личные соображения. Говорил о недоразумениях, даже критиковал немножко, все это делал для того, чтобы и дальше развивать наши отношения.

— Караганов. Спасибо за очень конструктивное завершение дискуссии. Завтра мы переходим более конкретно к вопросам, которые мы уже сегодня затрагивали: это взаимоотношения в рамках ШОС, о возможности развития и перспективах ШОС. Сегодняшняя дискуссия была исключительно интересной, продуктивной, глубокой по проникновению в суть проблем и откровенной.